

Большакова Юлия Михайловна

кандидат политических наук,
доцент кафедры менеджмента
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ
НОРМ В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ
И БИХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД К ТИПОЛОГИИ ИНСТИТУТОВ**

Аннотация:

В работе представлены результаты критического анализа соотношения формальных и неформальных норм в институционализме, показана недостаточность традиционной дихотомии формальный / неформальный институт, предложен новый подход к типологии институтов, характеризующий их со стороны как формы, так и содержания, на основе которого выявляются расширенное семейство типов институтов и более сложный характер их взаимодействия.

Ключевые слова:

институт, формальный институт, неформальный институт, содержательная характеристика института, бихарактеристическая типология институтов.

Bolshakova Yuliya Mikhaylovna

PhD in Political Science,
Assistant Professor,
Management Department,
St. Petersburg State University of Economics

**THE PROBLEM OF CORRELATION
BETWEEN FORMAL AND INFORMAL
NORMS IN INSTITUTIONALISM AND
THE BICHARACTERISTIC APPROACH
TO THE TYPOLOGY OF INSTITUTIONS**

Summary:

The paper presents a critical analysis of correlation between formal and informal norms in institutionalism, demonstrates the lack of the traditional dichotomy of formal / informal institutions. The paper presents a new approach to the typology of institutions describing them not only by form, but also by the content, which reveals an extended family of institutional types and more complex nature of their interaction.

Keywords:

institution, formal institution, informal institution, content characteristic of institution, bicharacteristic typology of institutions.

Типология, различающая формальные и неформальные институты, получила необычайно широкое распространение и является одной из основных в институционализме. О степени распространенности типологии красноречиво свидетельствует тот факт, что она проникла даже в определение основной единицы исследования – института. Так, например, Д. Норт определяет институт как «формальные правила и неформальные ограничения и способы обеспечения ответственности ограничений» [1, с. 307].

Конечно, методологический редукционизм в той или иной степени присущ любой типологии, однако в данном случае дихотомический характер типологии, равно как и характер квалифицирующих признаков, дают основание усматривать в ней «родимые пятна» формальной логики. Действительно, утверждение «все институты делятся на формальные и неформальные», как и тождественное ему утверждение, что «всякий институт может быть или формальным или неформальным» [2, с. 11], построены по принципу ИЛИ – ИЛИ, то есть представляют собой конструкции, полностью соответствующие закону исключенного третьего. Что касается квалифицирующих признаков, то они следуют из следующего типового определения формального института: формальными являются правила (институты), которые создаются централизованно, осознанно, легко могут быть зафиксированы в вербальной и / или письменной форме, используются в явном виде как ограничитель набора альтернатив для индивидов и обеспечены легальной и специализированной защитой со стороны государства [3, с. 116]. Соответственно, неформальными называются такие правила, которые так же, как и формальные, являются ограничителями поведения, но не зафиксированы в вербальной форме, а также защищены другими механизмами (в отличие от государственного). В более компактной форме и ранжируя по степени жесткости требований эти признаки могут быть представлены следующим образом: вербализуемость, фиксируемость в писанном праве, санкционированность со стороны государства.

Для оценки квалифицирующих признаков в этом их качестве сопоставим их с определением понятия «формализация», результатом которой эти признаки собственно и являются. Согласно логическому словарю, формализация – это отображение результатов мышления в точных понятиях и утверждениях. При формализации изучаемым объектам, их свойствам и отношениям ставятся в соответствие некоторые устойчивые, хорошо обозримые и отождествимые материальные конструкции, дающие возможность выявить и зафиксировать существенные стороны

объектов. Формализация уточняет содержание путем выявления его формы и может осуществляться с разной степенью полноты и включать в себя такие последовательные этапы, как выражение мышления в естественном языке, введение в обычный язык разного рода специальных знаков, создание частично искусственных и искусственных языков, логический анализ и т. д. Важно подчеркнуть, что формализация объекта изучения, в данном случае институтов, является не только продуктом отвлеченной рефлексии, происходящей в головах ученых-теоретиков, но и результатом отражения в сознании институциональных агентов (опосредованного интериоризацией) объективно осуществляющегося процесса институционального развития (генезиса).

Нетрудно заметить, что приведенные выше квалифицирующие признаки хотя и концентрируются в одном определении, но частично перекрываются и как бы произрастают друг из друга. При этом они, с одной стороны, отражают прогрессирующую степень глубины формализации, а с другой – фиксируют соответствующие этапы институционального развития (генезиса). Действительно, вербализацию можно рассматривать как первый шаг формализации и начальный этап интериоризации институциональной практики. Фиксирование нормы в письменном праве очевидным образом связано с необходимостью унификации и стандартизации элементов структуры нормы для их однозначной интерпретации в условиях деперсонифицированного пространства. Наконец, санкционированность со стороны государства есть логическое завершение этого ряда. Таким образом, рассматриваемые признаки, во-первых, эмпиричны, а во-вторых, верны лишь «апостериори» (по терминологии Канта), то есть справедливы лишь по отношению к уже протекшему времени.

Помимо условности выбора признаков, дихотомическое различие институтов на основании этих критериев представляет собой довольно грубую (бинарную) аппроксимацию функции структурно-функциональной оформленности института, воспроизводящей (в отношении формы) траекторию институционального генезиса, что неизбежно порождает источник методологических противоречий, особенно в окрестности узла аппроксимации.

Как уже отмечалось выше, квалифицирующие признаки «формальности» институтов по своей природе характеризуют институты со стороны формы и не содержат в явной форме каких-либо содержательных характеристик, что вполне в духе традиционной логики, считающей именно форму всеобъемлющей характеристикой, в том числе и со стороны содержания. Справедливости ради, следует отметить, что в определенной степени это действительно имеет место (что обуславливает, в частности, чрезвычайную «живучесть» рассматриваемой дихотомии), но только в той, в какой бинарная аппроксимация траектории институционального генезиса оказывается адекватной (с точки зрения разрешающей способности) конкретным условиям анализа.

Приведем два примера, наглядно иллюстрирующие необходимость содержательного «доопределения» институтов и возникающие при этом противоречия. Широко распространены следующие суждения: 1. Демократические политические институты в странах переходного периода носят формальный характер. 2. Демократические политические институты в странах развитой демократии носят неформальный характер. Понятно, что в обоих суждениях не подвергается сомнению формальный характер политических институтов в отношении формы – они санкционированы государством, зафиксированы в Конституции и в законодательствах. И коль скоро, тем не менее, в этих суждениях делается акцент на характере этих институтов (формальном или неформальном), то речь может идти только об одном – характеристике этих институтов со стороны содержания. При этом, как следует из первого суждения, формальный (со стороны содержания) характер политических институтов отнюдь не вытекает из «формальности» этих институтов с точки зрения формы как нечто само собой разумеющееся. Напротив, выражаются неудовлетворенность сложившейся ситуацией и надежда на ее изменение. Что касается второго суждения, то здесь возможность существования института, формального в отношении формы и неформального в отношении содержания, не только допускается, но и фиксируется как факт реальной действительности. Забегая несколько вперед, следует указать и на существование также институтов и норм, неформальных в отношении формы и формальных в отношении содержания. Таковы, например, некоторые обряды, утратившие первоначальную «сакральность» и превратившиеся в ритуалы. Другим примером могут служить некоторые обиходные речевые нормы, возникшие первоначально как модные изречения, но превратившиеся постепенно в клише.

Итак, разрешающая способность дихотомии «формальный – неформальный» оказывается явно недостаточной для полноценного анализа институтов, необходимость чего только что была продемонстрирована. В качестве выхода из создавшейся ситуации автором предложена бихарактеристическая типология институтов, характеризующая их в отношении как формы, так и содержания и использующая при этом традиционные термины «формальный / неформальный».

Здесь уместно уточнить, что следует понимать под содержательной характеристикой института. С позиции диалектической логики признаки, выражающие само существо, самую природу и, следовательно, содержание объекта, должны удовлетворять условиям всеобщности и необходимости, выражаясь современным языком, – условиям системности. То есть они должны быть такими, в отсутствие которых отсутствует (невозможен и немыслим) и сам объект понятия. Применительно к социальным системам таким условием является структурно-функционально-целевое единство социальных элементов.

Чтобы протестировать этот вывод, следует вновь обратиться к генезису эволюционно развивающегося института. Институциональное развитие может быть представлено как непрерывный и последовательно прогрессирующий процесс дифференциации структуры и функции института, подчиненный общей внешней цели минимизации транзакционных издержек взаимодействия и в основе которого лежат фундаментальные принципы сохранения и экономии действия. В фазах рождения, собственно развития и расцвета такая формализация института играет позитивную роль, способствуя раскрытию его содержания и обеспечивая его структурно-функционально-целевое единство. Так, в фазе расцвета, которая сопровождается экспансией в деперсонифицированное пространство, наблюдается оптимальное соотношение числа вовлеченных в следование институциональным правилам агентов и ресурсов, необходимых для обеспечения действенности этих правил. Перечисленные последовательно следующие друг за другом фазы таким образом образуют восходящую ветвь траектории институционального развития.

Однако следствием дальнейшей «формализации» является обособление отдельных подструктур, в частности подструктуры и связанной с ней бюрократии, ответственных за обеспечение действенности институциональных правил, появление функций, направленных на поддержание собственно этих подструктур (под функцией здесь понимается свойство структуры, направленное на ее сохранение в соответствии с принципом экономии действия), дивергенция интересов и целей бюрократии и остальных институциональных агентов. Этим знаменуется вступление института в фазу деградации, а затем и в фазу распада. Можно указать по крайней мере три причины деградационных процессов:

- по мере изменений, происходящих в окружающей среде, институциональные правила «устаревают» и перестают удовлетворять потребностям практики взаимодействия институциональных агентов, в то время как инерция чрезмерно бюрократизированной и иерархизированной структуры, ответственной за обеспечение действенности выполнения правил, не способствует поддержанию этих правил в актуальном состоянии;

- бюрократия, связанная со структурой (аппаратом) по принуждению к исполнению правил, получает вознаграждение за исполняемость существующих правил. Максимизация ее выгоды, следовательно, предполагает сохранение статус-кво, а не творческое участие в актуализации институциональных правил;

- институциональные агенты, напротив, заинтересованы в поддержании правил в актуальном состоянии, но не готовы нести связанные с этим расходы (проблема «безбилетника»).

Итак, структурное и функциональное обособление, дивергенция интересов и целей, рассматриваемые как порознь, так и совместно и означающие утрату структурно-функционально-целевого единства, неизбежно имеют своим результатом утрату и самого объекта (института), что и требовалось подтвердить в ходе проведенного теоретического «тестирования».

После того как внесена ясность, что следует понимать под содержательной характеристикой института (характеристикой со стороны содержания), равно как и под характеристикой со стороны формы, упомянутая ранее бихарактеристическая типология институтов может быть представлена в виде следующей матрицы (см. табл. 1).

Таблица 1 – Бихарактеристическая типология институтов

		Характеристика со стороны формы	
		Неформальный	Формальный
Характеристика со стороны содержания	Неформальный	Неформально-неформальный (бинеформальный)	Формально-неформальный
	Формальный	Неформально-формальный	Формально-формальный (биформальный)

Очевидным образом бихарактеристическая типология может быть распространена на транзакции различных видов и на предметы этих транзакций.

Отказ от формально-неформальной дихотомии позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения формальных и неформальных институтов в традиционном понимании этих терминов, а также вскрыть противоречия, имеющие своей природой именно такое понимание.

В качестве иллюстрации такого рода противоречий ниже приводятся два примера, цитируемые по источнику без каких-либо изменений.

Соотношение формальных и неформальных правил в динамике имеет сложный характер. Здесь выделяются следующие ситуации: 1. Формальное правило вводится на базе позитивно проявившего себя неформального правила; иначе говоря, последнее формализуется, что позволяет дополнить действовавшие механизмы принуждения его к исполнению также и формальными механизмами; примером такого соотношения могут служить средневековые кодексы, в которых записывались и приобретали силу норм, защищаемых государством, нормы обычного права, которым руководствовались горожане при разрешении конфликтных ситуаций. 2. Возникающие неформальные правила способствуют реализации введенных формальных правил; такие ситуации возникают тогда, когда последние вводятся в форме, недостаточно ясно и полно характеризующей действия либо адресатов, либо гарантов правила; в этом случае практика реализации «духа» введенного формального правила (если, разумеется, его выполнение в целом выгодно для его адресатов) вырабатывает и отбирает такие неформальные модели поведения, которые способствуют достижению цели исходного формального правила – деформализации правил; примером могут служить нормы взаимоотношений в организациях, фактически складывающиеся «вокруг» формальных инструкций, направленные на то, чтобы более эффективно достигать поставленной цели [4, с. 46].

Из анализа приведенных примеров следует, что в них, по существу, констатируется факт сосуществования формальных и неформальных норм в рамках одного и того же института. Такое сосуществование действительно имеет место в реальности, притом с необходимостью: ведь всякая биосоциосистема существует на балансе энтропийных и негэнтропийных процессов, всегда содержит в той или иной степени и механизмы самоорганизации, и механизмы управления, элементы и формальной, и неформальной координации взаимодействия индивидов. Противоречие здесь состоит в том, что «формально-неформальная» дихотомия как раз и исключает такое существование.

Вытекающее из бюрократической типологии расширение семейства институциональных типов существенным образом разнообразит характер взаимодействия и соотношения институтов, поскольку интерес может представлять взаимодействие каждого из типов расширенного семейства с институтами всех остальных типов этого семейства. Рассмотрение данного вопроса в таком объеме выходит за рамки настоящей работы, поэтому мы ограничимся изложением общего подхода к такого рода анализу.

Начать следует с рассмотрения соотношения атрибутов формы и содержания внутри одного института. Обозначим линию поведения институционального агента, определяемую фактором долженствования, действующую в рамках институционального правила, фиксируемого (формально или неформально) атрибутом формы в виде условно направленного вектора. Соответственно, под модулем этого вектора будем понимать степень мотивированности институционального агента к исполнению данного правила. Представляется достаточно очевидным, что степень мотивированности, а следовательно, и величина модуля будут при этом определяться атрибутом содержания (содержательной характеристикой института): чем больше степень формализации института в отношении содержания, тем меньше модуль вектора, напротив, его максимальная величина соответствует случаю, когда институт неформален в отношении содержания. Это может быть интерпретировано как вращение вектора вокруг своей точки отчета, причем угол поворота прямо пропорционален степени формализации института в отношении содержания, а модуль определяется проекцией повернутого вектора на исходное направление, условно задаваемое атрибутом формы.

Соответственно, анализ взаимодействия и соотношения институтов различных типов может быть сведен к анализу векторных отношений в двумерном пространстве.

Так, например, взаимодействие института биформального типа с институтом бинеформального типа может быть представлено отношением пересекающихся векторов, а взаимодействие бинеформального и формально-неформального институтов – как отношение коллинеарных векторов. Аналогично производится анализ взаимодействия институтов других типов.

Ссылки:

1. Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики. М., 1993. С. 307–319.
2. Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ). М., 1999.
3. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М., 2002.
4. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория / под общ. ред. д. э. н., проф. А.А. Аузана. М., 2005.

References:

1. North, D 1993, *Institutions, ideologies and economic efficiency*, Moscow, pp. 307-319.
2. *The transformation of economic institutions in post-Soviet Russia (microeconomic analysis)* 1999, Moscow.
3. Shastitko, AE 2002, *New Institutional Economics*, Moscow.
4. Auzan, AA (ed.) 2005, *Institutional Economics: A New Institutional Economics*, Moscow.